

ВОЗВРАЩЕНЦЕЦ

Михаил Козаков понял, что такое сладость дыма Отечества

Сергей Шаповал

Рефлексия

МИХАИЛ Михайлович, последние четыре с лишним года были для вас особенными: эмиграция, возвращение на родину относятся к событиям судьбоносным. Как вы теперь оцениваете свое решение об отъезде?

— Начнем с того, что я не рвал связей с Россией, несмотря на то, что казалось: уехал, и навсегда. Если сказать честно, я никогда в это не верил. Как можно загадывать что-либо в нашей жизни? Вот сегодня мы не знаем, что будет с Чечней, не очень понимаем, что будет с экономикой и выборами власти на местах, и сильно беспокоимся о здоровье Ельцина, каким бы он ни был. Что же можно в наше время предполагать, живя в Израиле ли, в России ли? Разве что в Новой Зеландии можно строить планы на послезавтра.

Но если отрешиться от этих весьма важных рассуждений, я бы ответил следующим образом. К 91-му году обстоятельства сложились так, что моему сыну Мишке было чуть больше года, а привалки опустели и возникло ощущение бесперспективности. Кроме того, замолчал телефон, предложений работать не стало. Но даже не это главное. Если бы я тогда не уехал... Бог мудрее нас: ты думаешь, что ты совершаешь поступок, а его совершают за тебя. Одно дело читать про эмиграцию у Бунина, Цветаевой, Набокова, Довлатова, а другое — самому все это пройти. Да в других условиях, по другим причинам. Если бы я этого не прошел, живя здесь, я бы все представлял иначе.

Я бы себе говорил: вот я сижу, работы не слишком много, кино затухает, художественное телевидение практически закончилось, концертов нет, а в это время в Израиле мои товарищи в театре «Гешер» (что в переводе значит «Мост») успешно играют, они попробовали, что такое другая жизнь, а я не решился. Зная свой воинчий, самоедский характер, могу сказать точно: я бы себя грыз. Мне нужно было все попробовать самому. Надо было узнать, что такое в 57 лет начать учить иврит, что такое играть на чужом языке, что такое суметь на нем преподавать в театральном институте и многое другое... Собственно, об этом я написал книгу с не очень веселым названием «Третий звонок» (скоро она должна выйти в издательстве «Вагриус» под одной обложкой с другой моей книгой «Рисунки на песке»). Но она не только об Израиле, в ней постоянные возвраты к России, рассказы о Давиде Самойлове и Арсении Тарковском, история моей бабушки, мамы и покойных братьев и т.д.

— Эмиграция обычно стимулирует проявление гражданских чувств. За кого вы голосовали?

— За Ельцина. Если бы у меня было твердое убеждение, что кто-то, кроме Ельцина, в ближайшем будущем спасет страну, я бы не голосовал за него. Я бы голосовал за коммунистов, за Жириновского, если бы был уверен, что все это не слова, слова, слова... Легче всего находиться в оппозиции, это же и дураку понятно. Я не политик, я либерально настроенный обыватель, к тому же отец пяти детей и дедушка пяти внуков. Несколько дней назад по телевизору выступал Жириновский, и я себя словил на том, что всерьез начал его слушать. Ситуация ведь не стабилизируется. И у меня срабатывает чисто животный страх не за себя (чего волноваться в 62 года), а за детей, которых я привез в Москву.

— Интересно, что уезжали вы из не очень сытой, но достаточно стабильной страны. Теперь с продуктами все в порядке, а «покой нам только снится»...

— Я мог бы продолжать жить в Израиле, играть, ставить, преподавать. Но этот эксперимент (исключительно над самим собой) показал мне, что я только формально могу быть «человеком мира». Наступил предел, я не выдержал. Я понял, что не могу без того, что называют русским театральным процессом, без того, чтобы в любой вечер пойти в какой-то театр, без моих друзей. Теперь я понимаю, почему Грибоедов сказал, что после странствий «дым отечества нам сладок и приятен». Не воздух, а дым, т.е. плохая экология. Правда, я взял на себя огромную ответственность. Если эта нестабильность превратится в еще большую, не знаю, как буду смотреть в глаза жене. В конце концов скажу: забирай детей и увози, я остаюсь... Хочу отметить важную для меня вещь. Я отсутствовал четыре с половиной года и не хлебнул того, что хлебнули люди здесь: ни ГКЧП, ни событий октября 93-го, ни многого другого. Я давал себе слово не говорить на политические темы. Я не имею права.

— Какие у вас сейчас заботы и планы?

— Мой сын пойдет в русскую школу. Он владеет двумя языками, в свои семь лет пишет и читает на двух языках. У меня там родилась дочка Зоя, которой 18 августа исполнился год. Именно в этот день

Михаил и Кирилл Козаковы.

мы прилетели из Израйля и переселились в нашу московскую квартиру. Но это не значит, что я рву с Израилем. Он мне принес много добра, к тому же у меня двойное гражданство. Надеюсь сняться там в фильме. Я принимал участие в написании сценария. Это трагикомедия о нашей алии на фоне иракской войны. Сценарий получил в Израиле приз от одного фонда в 400 тысяч долларов, 100 тысяч дает телевидение, остается найти еще 250 тысяч. Так что, если получится, поеду сниматься. Конечно, буду привозить туда свои спектакли. Но основное сейчас — работа в Москве и Петербурге. В Питере в театре Комиссаржевской я ставлю спектакль «Чествование» по пьесе Бернарда Слейда (в новом переводе), где буду играть четыре раза в месяц. В Москве на «Арт-радио» делаю серию литературных передач (двенадцать уже записано), еще намерен ставить хорошие переводные пьесы, которые открыл для себя за эти годы. Будет видно, где и с кем, но что ставить — есть. Было бы здорово.

— Вам вроде бы грех жаловаться, ребенок в 61 год — показатель неплохой.

— Ребенка я родил нижней частью, а вот верхняя стала предъявлять свои претензии.

— В свое время непреложным фактом было убеждение, что у нас лучшая в мире актерская школа. Потом появились сомнения в этом. Сегодня вы можете сказать, что наша школа действительно сильная?

— Да. Причем, честно говоря, я этого не предполагал. Я искалочаю лучшие образцы американского кинематографа, где актерские работы достигают невиданной высоты — Аль Пачино, де Ниро, Хофман, Брандо. Можно перечислить еще десяток имен. Кинематограф — это не только искусство, но и производство, а от денег многое зависит.

Если говорить о театральной актерской школе, грубо говоря, об умении играть пьесы, я пришел к выводу, что русский актер находится на высоте, этот потенциал мы еще держим в руках. Я не хочу сказать, что больше нигде нет настоящего театра. Сильную психологическую школу представляют, по моему, русский, английский и славянский (прежде всего Польша и Чехия) театры. Но в чем беда? Я совершенно убежден: для того, чтобы играть даже абсурдистскую или шоу-драматургию, надо быть вооруженным достижениями психологической школы переживания и знанием мастерства. И это в России уходит, что меня безумно тревожит.

Мне скажут: вот так ворчали на вас и ваши старики. Неправда. Мы что-то прихватывали из того, что они умели, а некоторые из нас сумели кое-что даже развить. Сегодня в силу того, что государство не может создать условия для нормального существования театра, молодой актер начинает ощущать бесперспективность. Вполне вероятно, он думает: да чего этот старик от меня хочет — какие-то вторые планы, проникновение в характер, душу себе вороши. А что за это платят? Лучше в рекламном ролике сняться — рожа есть, фигура есть, а то можно и бизнесом заняться. Я очень боюсь, что театр начнет выворачиваться на зрителя и приучать его к дурному вкусу. И это уже есть. Сегодня монтаж театральных аттракционов, по выражению Мейерхольда, важнее, чем жизнь человеческого духа. Но я, сколько мне Бог еще отпустит, свое дотяну.

— Кстати, о рекламе. Многих потешил ролик: «Миша! А ты что здесь делаешь?»

— Мне хотелось ответить: деньги зарабатываю. Будь у меня деньги, я бы никакой рекламы не занимался. Театр в Израиле дает очень мало, а у меня семья — шесть человек. Я предпочитаю сниматься в рекламном ролике про кофе (каждый поймет, что я зарабатываю деньги), чем играть в дрянном спектакле или фильме.

— Когда речь заходит об американском кинематографе, обычно говорят: это особая статья, там большие деньги. Но ведь, кроме всяких эффектов, существует класс актерской игры, который даже трудно сравнивать с нашим.

— Это очень зависит от условий съемки. Актеры играют сцену, стоит такая аппаратура, что потом не нужно будет ничего озвучивать. Это одна деталь — звук. Актер о нем не думает, это проблема звукорежиссеров. Никто не скажет: играйте громче! Отсюда и возникает органика. Я играл в фильме эпизод, где меня убивают, на спине должны быть разрывы от пуля. Через мои штаны пропустили двадцать восемь проводов. Как я мог органично играть сцену, когда у меня была одна забота: не взорвется ли мое мужское достоинство?! И таких вещей тысячи. В 56-м году я стоял перед аппаратом, а замечательный оператор Борис Израилевич Волчек, который снимал «Убийство на улице Данте», полтора часа ставил свет на крупный план. Он добивался замечательного результата, но, простите, после таких полутора часов попробуй сыграть что-нибудь живое. В этом плане мы безнадежно отстали. Кинопроизводство — понятие очень емкое, здесь и деньги, и зарплата, и свобода поведения в кадре.

— У вас немалый опыт работы в кино. Вы можете представить себе ситуацию: у нас в кинопроизводстве начинают вкладывать большие деньги, и после этого появляются фильмы, сопоставимые с лучшими американскими образцами?

— Если говорить обо мне, то я никогда не ставил кино, я делал театр на телевидении. Это было в форме телевизионного фильма или телеспектакля. Ведь всегда я ставил пьесы, причем пьесы условные. И Дюрренматт, и «Покровские ворота», и «Безымянная звезда», и «Тень» — это все притчи. Если же говорить о кинематографе, то скажу такую вещь: мы, как это ни странно, не сильны в реалистическом кинематографе. Мы были сильны в поэтическом кино (Довженко), в мифологическом (Тарковский) и в еще более формальном кино Параджанова, мы были на грани театрализации в картинах «Не горюй» и «Белое солнце пустыни», на грани музыкальной театрализации в «Веселых ребятах»...

Реализм, конечно, понятие безбрежное. В данном случае я говорю о той его разновидности, когда ты начинаешь верить в игру актера, видишь подлинность его пребывания в кадре. Если сравнить два фильма о войне — американского «Охотника на оленей» и «Балладу о солдате», то можно увидеть, как говорят в Одессе, две большие разницы. И не потому, что «Баллада о солдате» хуже, она построена по совершенно другим законам кинематографа. Это замечательная поэтизация. А когда мы пытались снимать кино по законам войны, в лучшем случае получались «Солдаты» по роману Некрасова «В окопах Сталинграда», но и то — картина даже близко не стоит к книге, а в худшем — такое фуфло, как «Освобождение». Но как мы никогда не сумеем сделать мюзикла, так американцы никогда не смогут поставить, как мы, Чехова.

— То есть, по-вашему, существует какая-то загвоздка в менталитете, и нам просто не стоит браться за определенные жанры?

— Да. Но лучше скажу о себе лично: я братья не буду. Добиться реалистической манеры существования в телевизионном спектакле — вот это да. Например, когда я ставил «И свет во тьме светит» по пьесе Льва Толстого с Петренко и Купченко, мне это удавалось. Но это в пьесе, по законам пьесы. Там актеры существуют в выдуманной среде и добиваются поразительной веры в, как говорил Пушкин, предполагаемые обстоятельства. Произносятся условный текст, удается сделать так, чтобы было ощущение его рождения в данную секунду. А в кино дело далеко не в тексте, там можно нести околесицу со всеми этими «fuck you» или мычать. Но с другой стороны, произнести в кадре «... твою мать» и считать это признаком реализма является глубочайшим заблуждением. Все должно быть к месту. «Чернуха» ведь возникла от попытки сделаться натуральными, но не получается, в результате — лишь грубый и безвкусный натурализм.

Нижний Новгород